

DOI: 10.31857/S086919080007749-0

БОЛОТНАЯ ОБЛАСТЬ ЮЖНОГО ДВУРЕЧЬЯ

© 2019

А. И. ЯНКОВСКИЙ^а^а – Институт восточных рукописей РАН, СПб., Россия^а – ORCID: 0000-0003-2691-265X; alexei.jankowski@gmail.com

Резюме: Геоморфологические и палеоклиматические исследования последних лет доказывают, что с 11-го тыс. до н.э. заселение Южного Двуречья было возможно без ирригационного земледелия. Вплоть до 6 тыс. до н.э. регион располагал местной строительной древесиной. С 6-го по 4-е тыс. (с периода Убейд 0) происходила морская трансгрессия, в результате чего почти вся территория южной аллювиальной равнины от Эриду и телья Уэйли, по крайней мере до Ниппура, могла представлять из себя водно-болотную экосистему. При этом поселение телья Уэйли, Эриду и Лагаш должны были находиться недалеко от внешней границы дельты. По окончании этой «убейдской трансгрессии», при дальнейшем падении уровня Мирового океана и аридизации климата население Южного Двуречья было вынуждено расширить ирригационное земледелие на обратных склонах намывных валов рек, продолжая в значительной мере полагаться на водно-болотные и морские ресурсы и выпас скота на территориях сезонной осушки. В 3–2-м тыс. до н.э. «море» (*a-ab-ba* клинописных источников) хотя и находилось вблизи Ура и Лагаша, но представляло собой сложную дельтовую структуру, в которой водные пространства, соленые и пресноводные, перемежались наносными образованиями и болотами. Деурбанизация в конце старовавилонского периода могла быть концом большого цикла приспособления к меняющимся условиям Болотной области, начавшегося после «убейдской трансгрессии». Причины, приведшие к образованию и коллапсу сложных социальных структур, городского общества и государства в Южной Месопотамии необходимо изучать с учетом дельтовых процессов и с широким привлечением современного этнографического материала. Возвращаясь в Ирак после длительного перерыва, российская археологическая экспедиция поставила своей задачей комплексное изучение Болотной зоны. В статье приводятся результаты рекогносцировки на телье Дехайла (ES 34) – одном из крупнейших (наравне с Уром) городских центров старовавилонской эпохи.

Ключевые слова: Убейд, старовавилонский период, береговая линия Персидского залива, морская трансгрессия, дельтовые процессы, деурбанизация, телье Дехайла.

Для цитирования: Янковский А.И. Болотная область Южного Двуречья. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 23–35. DOI: 10.31857/S086919080007749-0

THE EXTENT OF THE ANCIENT MARSHES OF SOUTHERN MESOPOTAMIA

© 2019

A. I. JANKOWSKI^а^а – Institute of Oriental Manuscripts, RAS, Saint-Petersburg, Russia^а – ORCID: 0000-0003-2691-265X; alexei.jankowski@yahoo.co.uk

Abstract: Recent geomorphological and palaeoclimatologic research showed that irrigational agriculture was not an absolute condition for settlement of Southern Mesopotamia starting from the 11th millennium BCE. Between the 6th and the 4th millennia BCE (starting from Ubeid 0), a marine transgression took place. As a result, the entire territory from Tell Oueilli and Eridu up to Nippur became a wetland ecosystem, with Tell Oueilli, Ur and Eridu being not far from the outer delta edge. With this “Ubaidian transgression” coming to an end and reversed, accompanied with a further aridisation, the inhabitants of the Southern alluvium had to rely more on the levee agriculture, while still continuing to take advantage from the wetland resources and from the seasonal marshland pastures. In the 3rd and the 2nd millennia the “sea”, *a-ab-ba* of the cuneiform sources, found near Ur and Lagash, was a complex deltaic structure of freshwater and saline open stretches, intermixed with tidal flats and reed marshes. The deurbanisation at

the end of the Old Babylonian period could be the end of an adaptation cycle to the changing conditions of this wetland zone. The reasons which led to the creation and collapse of social complexity, urban society and state in Southern Mesopotamia invite a study in the light of deltaic processes supported by modern ethnographic data. Returning to Iraq after a long time gap, the Russian archaeological mission will focus on a multidisciplinary study of the wetlands and their surroundings. We present a preliminary report of reconnaissance at Tell Dehaila (ES 34), one of the biggest urban centers (comparable to Ur) of the Old Babylonian period.

Keywords: Ubaid, Old Babylonian period, Persian Gulf shoreline, marine transgression, deltaic processes, deurbanisation, Tell Dehaila.

For citation: Jankowski A. I. The Extent of the Ancient Marshes of Southern Mesopotamia. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 23–35. DOI: 10.31857/S086919080007749-0

Процессы, которые привели к ранней урбанизации, а затем к возникновению государства и письменности в Южном Двуречье, в значительной мере связаны с особенностями физической географии региона.

Аллювиальная равнина Тигра и Евфрата, общей длиной около 700 км и шириной около 200 км, образована молодыми (четвертичными) отложениями этих рек на краю Аравийской плиты, там, где ее нестабильный Месопотамский блок уходит под Евразийскую плиту в области гор Загроса [Pournelle, 2003, p. 68; Jassim, Goff, 2006].

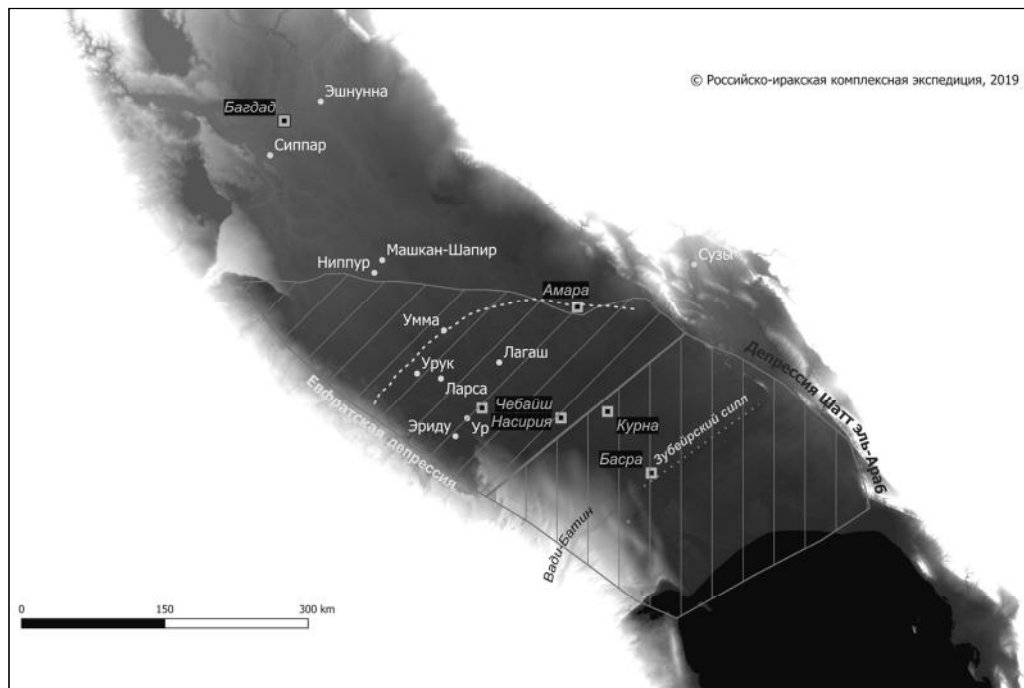
Месопотамский блок геологически делится на три субъединицы – Багдадскую депрессию, Евфратскую, отделенную от Багдадской по линии Наджаф – Амара, и депрессию Шатт-эль-Араб, отделенную от Евфратской в районе Курны по линии, перпендикулярной течению рек. Историко-географическое деление аллювиальной равнины, как мы увидим ниже, примерно соответствует этим геологическим субъединицам.

Градиент понижения аллювиальной равнины очень мал, снижаясь по мере приближения к морю, и лицо равнины – и тем самым человеческой деятельности на ней – обусловлено меняющейся во времени гидрографической картиной, а она, в свою очередь, зависит от небольших по величине изменений в рельефе и режиме осадков [Pournelle, 2003, p. 66]. Даже небольшая разница в наклоне нестабильной части плиты от одной субъединицы к другой сильно влияет на общую обстановку.

Современная Болотная область расположена в основном в Евфратской части, так как плита в этом месте имеет небольшой наклон с запада к востоку, поперек течения рек. Это способствует растеканию рек на отдельные рукава и образованию постоянных и сезонных озер и болот. Ниже по течению, в области депрессии Шатт-эль-Араб, плита наклонена к югу, что примерно совпадает с кратчайшим направлением к морю. В наши дни Евфрат и Тигр сливаются в общее русло Шатт-эль-Араб сразу ниже Курны, в 200 км от нынешней береговой линии Персидского залива. Однако Болотная зона продолжается к югу и с арабской, и с персидской стороны (Сузиана), вплоть до Басры, где расположен Зубейрский силл (пластовая интрузия), преграждающий путь приливным водам Персидского залива и ограничивающий растекание пресноводной Болотной области в юго-восточном направлении.

В большей степени, чем Зубейрский силл, Болотную область ограничивают в нижнем течении два аллювиальных веера: плейстоценовый Вади-Батин с аравийской стороны, и голоценовый веер (в отечественной терминологии – конус выноса) рек Каруна и Кархе с персидской стороны [Pournelle, 2003, p. 72]. Эти веера сжимают течение рек в узкость, хорошо заметную на всех картах и спутниковых снимках. Узкая часть этой «воронки» и является нижней границей современной Болотной области. В верхнем течении Болотная область ограничена примерно по линии Насирия – Амара, местами выходя за нее к севе-

ро-западу, что в целом и соответствует средней, Евфратской субъединице Месопотамского блока Аравийской плиты.

Илл. 1. Геологическое деление Месопотамской равнины. Пунктиром, проходящим через совр. Амару, показана гипотетическая граница морской трансгрессии к 4000 г. до н.э.¹ Штриховка геологических субъединиц показывает тенденцию уклона на них [Pournelle, 2003, p. 69].

Подобная картина с перемежающимися речными рукавами, сезонными и постоянными озерами и болотами свойственна многим дельтам больших равнинных рек; таковы дельты Нила, Дуная, Днепровские плавни, тугаи в низовьях Амударьи и Сырдарьи. Заболоченные участки таких дельт имеют большое значение для экологии своего региона, служат местами остановки перелетных птиц, источниками разнообразных природных ресурсов для местного населения. Социальная роль дельтовых болот до недавнего времени оставалась в тени; предполагалось, что это – маргинальные территории, лежащие в стороне от главного пути исторического развития.

К концу 1950-х гг. в мировой исторической науке сложилось убеждение в главенствующей роли ирригации в образовании государств Двуречья. К этому же времени относилась вторая (после первой в 1930-е гг.) дискуссия об азиатском способе производства, в фокусе которой оказалась вышедшая в 1957 г. работа Карла Виттфогеля «Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тотальной власти» [Wittfogel, 1957]. Изучение

¹ Цифровая модель рельефа на этой карте настроена так, что белый цвет соответствует высоте в 150 м и выше, а черный – отметке 22 м относительно среднего современного уровня моря (н.у.м.). Это позволяет хорошо разглядеть «сжимающиеся» равнину Вадии-Батин на юго-западе и конус выноса рек Каруна и Кархе на северо-востоке. Надо подчеркнуть, что пунктирная черта «убейдской трансгрессии» ни в коем случае не представляет собой береговую линию конца 5-го тыс. до н.э., а лишь указывает на местность, до которой доходила распресненная морская вода. Реальная береговая линия, вероятно, была изменчива и имела весьма сложную форму с многочисленными островами.

древних ирригационных систем привело автора к его концепции «гидравлического государства», деспотии, экономика которой основана на орошаемом земледелии². Во второе послевоенное десятилетие обсуждение деспотий было неизбежно после бедствий, которые испытал весь мир. Поэтому вопросы ирригации в Месопотамии оказались весьма актуальными для идеологии того времени.

В 1960 г. вышел номер журнала «Ирак», посвященный памяти Леонарда Вулли и его раскопкам в Уре. В нем была опубликована статья Торкильда Якобсена «Воды Ура» с реконструкцией древней гидрографии Южного Двуречья на основе текстовых источников и исследований поверхностной керамики³.

Как известно, аллювиальная равнина Тигра и Евфрата расположена ниже линии среднегодовых осадков (изогеты) 200 мм, что должно исключать земледелие на дождевом орошении. Метод Якобсена был основан на предположении, которое казалось естественным, что в таких аридных условиях люди могли селиться только вдоль берегов каналов и рек. Соответственно, проследив наличие поселений по скоплению фрагментов керамики на современной дневной поверхности, можно было бы реконструировать древнюю гидрографию, «воды орошения, без которых никакие города или другие постоянные человеческие поселения не могли бы существовать» [Jacobsen, 1960, p. 175].

Работа Т. Якобсена вызвала большой интерес к реконструкции водных протоков Междуречья, проявившийся прежде всего в фундаментальной работе Роберта Адамса [Adams, 1981], который показал, что ирригация не была условием первоначального заселения аллювиальной равнины, а развилась в определенный момент ее истории.

К началу войны в Персидском заливе (1990) в Ираке было немало западных экспедиций, в том числе в Ниппуре, Лагаше, Фаре (Шуруппак) и Машкан-Шапире [Stone, 2003, p. 185]. Эти экспедиции, работавшие на новом методологическом уровне, позволили сделать следующий шаг в изучении исторической географии Южного Двуречья.

Когда война и последующие события оторвали археологов от полевых исследований, Роберт Адамс и его коллеги сумели донести до американских властей [Pournelle, 2003, p. 14] необходимость сохранить и открыть для публичного использования спутниковые фотографии программы CORONA, созданной в конце 1950-х гг. для наблюдения за ракетными позициями СССР⁴.

Кэрри Ритц и Дженнифер Пурнель собрали в своих работах [Pournelle, 2003; Hritz et al., 2012(1)] весьма полную информацию из спутниковых фотографий разных систем и периодов и обширные данные из архивов аэрофотоснимков разных стран, что позволило увидеть Южное Двуречье в совершенно новом свете. В последние годы, когда полевая работа в Южном Ираке снова стала возможной, вышли работы геоморфологов и палеоботаников, в том числе иракских [Altaweel et al., 2019], которые позволили верифицировать результаты дистанционных исследований и дополнить их важными полевыми данными.

Иракский археолог Абдуламир Хамдани, в 2003–2008 гг. инспектор Директората древностей и наследия по мухафазе Ди-Кар⁵, в ходе борьбы за спасение археологических памятников от массовых грабежей проводил археологические разведки на территории от телья Шмит вблизи древней Уммы (эта область подвергалась тогда наиболее жестокому разграблению) в сторону Лагаша и современных болот, которые тогда находились в осушенном состоянии. Было зафиксировано около 650 памятников, не выявленных преды-

² Подробный современный анализ этой книги см. у Ю. Латова [Латов, 2007].

³ На основании разведок самого Т. Якобсена, Ф. Сафара и В. Кроуфорда в 1953–54 гг., Ф. Сафара и М. Али Мустафы в области Эриду [Jacobsen, 1960, p. 175].

⁴ <https://www.cia.gov/news-information/featured-story-archive/2015-featured-story-archive/corona-declassified.html>, (дата обращения: 10.10.2019).

⁵ Одна из трех мухафаз (провинций) Южного Ирака, в которых расположена современная Болотная область. Административный центр – г. Насирия.

дущими разведками, в том числе 60 памятников на в то время осушенной территории Болот [Hamdani, 2008, p. 228–229, Hamdani, 2014] – от раннединастического до исламского времени, по данным поверхностной керамики.

Обнаружение памятников под большими водными пространствами Центральных болот, начатое еще Жоржем Ру [Roux, 1960, p. 30], снова поставило вопрос об изменении береговой линии Персидского залива в разные исторические эпохи. Поселения, найденные в разведках Хамдани, находятся ниже по течению, чем Ур, Лагаш и Ларса. Между тем существует слишком много свидетельств – и текстовых, и археологических – в пользу того, что эти города принимали морские суда, имели дело с морскими рыбаками, содержали гавани⁶ и тем самым должны были бы находиться поблизости от моря [Козырева, 2016, с. 39].

В течение XX в. ассириология постепенно расставалась с представлениями Роулинсона и позднее Де Моргана о неуклонном отступлении береговой линии Персидского залива вследствие накопления речных наносов. Еще в 1925 г. Арнольд Вильсон показал, что седиментация в устье р. Шатт-эль-Араб в 600 раз меньше, чем полагал Де Морган, в силу более сложного механизма распределения стока Тигра, Евфрата и Каруна [Wilson, 1925, p. 232].

Периодические подъемы уровня рек, усиленные приливными и нагонными явлениями со стороны моря, приводят к тому, что в «воронке» между конусами выноса Вади-Батин, Кархе и Каруна происходит перераспределение взвесей и частичная очистка стока Шатт-эль-Араб [Pournelle, 2003, p. 72–73]. Значительная часть твердого стока Тигра и Евфрата остается при этом в Болотной зоне, а внешняя дельта Шатт-эль-Араб формируется в основном наносами из Каруна.

По современным представлениям, тенденция изменения береговой линии Персидского залива до и во время ранней урбанизации Месопотамии противоположна той, которую предполагали Роулинсон и Де Морган: Персидский залив не отступал от Месопотамской равнины, а внедрялся в нее в результате подъема уровня Мирового океана. К 6000 г. до н.э. морская трансгрессия дошла до Зубейрского силла, а в последующие столетия началось затопление современной Болотной зоны распресненной морской водой. Эти события примерно соответствуют культуре Убейд 0 на телле Уэйли вблизи Ларсы [Huot, 1985, p. 301]. Затопление достигло своего максимума к 4000 г. до н.э., когда уровень моря был выше современного на 1–2 м [Dalongeville et al., 1993, p. 50] или выше⁷, а абсолютные высоты равнины в районе Амары были предположительно ниже современных на 10 м. По данным Аднана Аркави [Aqrawi, 2001], в области Насирии морская распресненная вода стояла еще в 3600 г. до н.э., а с 3300 г. образцы показывают наличие там берегового соленого болота или области приливной осушки, что говорит о начале регрессии моря. К 1-му тыс. до н.э. положение береговой линии приблизилось к нынешнему.

Главное возражение против присутствия морской воды под стенами Ура, Ларсы, Лагаша и других шумерских городов, сформулированное Нютцелем, приводится у Дэниела Поттса [Potts 1997, p. 39; Nützel 1980, p. 98–99]: сельскохозяйственные культуры зерновых, на которых должна была быть основана экономика этих городов, не могли бы выдерживать соленой воды, которая неизбежно попадала бы в ирригационные системы во время приливов⁸.

⁶ Гавани подтверждены археологически в Уре [Woolley 1976, табл. 415], Машкан-Шапире [Stone, Zimansky, 1992, p. 212] и недавно на телле Абу-Тбейра рядом с Уром [Romano, 2019, p. 63].

⁷ По данным Роберта Картера, приведенным в [Pournelle 2003, p. 111], уровень моря мог испытывать значительные колебания, в том числе падение ниже современного уровня между 5200 и 4500 гг. до н.э., см. также [Sanlaville 1989].

⁸ Хронология морской трансгрессии, описанная у Поттса [Potts 1997, p. 33], в настоящее время уточнена по целому ряду новых данных, см. [Aqrawi, 2001; Hritz et al., 2012(2)].

Однако сложность равнинного микрорельефа – причина того, что ни для какого момента времени береговую линию нельзя представить себе в виде прямой черты от Амара до Насирии, отделяющей море от суши, как это делается даже в современных публикациях [Milli, Forti, 2019, p. 29]. Для прямой черты была бы нужна геологическая «ступенька», наподобие той, которая отделяет месопотамскую равнину от аравийской пустыни. Такой «ступеньки» здесь нет⁹. Берега Персидского залива убейдской, урукской и последующих эпох надо представить себе так же, как и современную внешнюю дельту р. Шатт-эль-Араб, похожую, по выражению Дженнифер Пурнель, на «шахматную доску, где перемежаются полосы осушки, песчаные бары, себхи¹⁰, сельскохозяйственные территории и пресноводные протоки» [Pournelle, 2013, p. 124]. При этом надо иметь в виду, что эта акватория сообщается с «большим» Персидским заливом через горловину между аллювиальными конусами выноса. По всем этим причинам «море», a-ab-ba шумерских клинописных источников, которое могло плескаться под стенами Ура и Лагаша, не представляло собой единой водной поверхности и было далеко от «большой воды» Персидского залива.

Если на месте современной Болотной области находилась дельта, каков же был ландшафт выше по течению, в области Уммы и Ниппура? Линия раздела Багдадской и Евфратской депрессий проходит чуть южнее Ниппура, а к северо-востоку от Ниппура находится озеро Далмадж, указывая на остатки водно-болотной местности. Возможно ли, что вся дельтовая система в убейдское время была «сдвинута» выше по течению, так, что Ур был расположен относительно тогдашнего моря примерно так же, как современная Басра расположена относительно нынешнего Персидского залива, а Урук лежал посреди водно-болотной области, как современная Амара? На приведенных в работе Дж. Пурнель фотографиях Урука отчетливо видна «птичья нога» – тип дельты, где намывные валы русел¹¹ выделяют их среди окружающей заболоченной или затопленной низменности, так что город стоит «не столько на реке, сколько внутри реки», действительно очень напоминая такую же «птичью ногу» в современной Амаре на Тигре [Pournelle, 2003, p. 96–98].

Особенности рельефа района не препятствуют «сдвигу» Болотной зоны вплоть до Багдадской депрессии. Возможен ли был такой сдвиг – зависит не столько от морской трансгрессии, сколько от высот равнины в интересующие нас эпохи. Оценить эти высоты, исходя только из темпов аккумуляции наносов, невозможно, так как одновременно происходит неравномерная, очаговая дефляция, в некоторых случаях обнажая аллювиальную равнину вплоть до галечных слоев, существовавших еще до голоцена [Pournelle 2003, p. 160].

В пользу «сдвига» Болотной зоны к северо-западу говорят результаты раскопок американской экспедиции в Машкан-Шапире в 30 км к северу от Ниппура в 1987–1990 гг. [Stone, Zimansky 1992; Stone, Zimansky, 2004]. Расположение четырех каналов внутри городской застройки, вместе с гаванями, говорит о городе, вписанном в контекст дельты, наподобие расположенных ниже по течению Ура, Абу-Тбейра и Лагаша. Машкан-Шапир, заселенный с урукского времени, пережил расцвет в старовавилонский период и был оставлен во время деурбанизации центральной и южной частей аллювиальной равнины между 1739 и 1720 гг. до н.э. по средней хронологии [Stone, 1992, p. 214].

⁹ Граница между Евфратской и Зубейрской геологическими субъединицами – условная черта, не имеющая под собой четко выраженного геологического образования. Визуализация рельефа на *илл. 1* позволяет в этом убедиться.

¹⁰ Себха – элемент дельтового ландшафта, плоский замкнутый солончак, расположенный выше над уровнем моря, чем приливно-отливная полоса осушки.

¹¹ Характерная черта аллювиальной равнины, образующаяся при осаждении твердого стока рек после наводнений. В результате поверхность реки и непосредственно примыкающие к ней полосы земли слегка возвышаются над окружающей равниной, позволяя вести «гравитационную ирригацию» на этих полосах.

Рельеф аллювиальной равнины говорит о том, что в районе Сиппара и Эшнунны влияние дельтовых процессов должно было закончиться. Возможно, Машкан-Шапир следует считать ориентиром для верхней (северо-восточной) оконечности Болотной или переходной к ней области, по крайней мере для старовавилонского времени.

Можно предположить, что вся Южная Месопотамия, начиная с убейдского и вплоть до касситского времени, была вовлечена в дельтовые процессы – за исключением, быть может, довольно слабо изученных подножий Загроса (так называемого транстигридского коридора) и еще менее изученной полосы вдоль аравийской пустыни.

По результатам исследования фитолитов из кернов скважин в области озера Далмадж вблизи Машкан-Шапира, в области сассанидского канала Нахраван, из старых образцов грунта из Ниппура и скважин в области Урука, в совокупности с новыми климатическими данными, полученными при изучении сталагмитов в пещере Шалаи в Иракском Курдистане, коллектив авторов [Altaweel et al., 2019] пришел к выводу, что к югу от Багдада с 11-го тыс. до н.э. существовали условия для обитания вследствие более умеренного и влажного (по сравнению с нынешним) климата. Эти условия стали существенно меняться в сторону аридизации в период между 6-м и 4-м тыс. до н.э. со сложной динамикой. Начиная с 10 500–10 175 до н.э. (кал. ^{14}C) засвидетельствовано присутствие финиковых пальм, а с 8-го по 6-е тыс. до н.э. присутствие дубов (*Quercus sp.*) [Ataweel et al., 2019, p. 9, 18], как в районе оз. Далмадж, так и в районе Урука.

В Южной Месопотамии имеется редкая и до конца не оцененная возможность наблюдать этнографические аналогии с древней дельтовой зоной благодаря тому, что Болотная область существует и в наши дни вместе со своим населением, несколько раз сменившим язык, но сохранившим характер приспособления к окружающей среде. Кроме населения болот как такового (ма'адан, «болотные арабы»), важным источником этнографических наблюдений является и сельскохозяйственное население, живущее на краю болот, и местные религиозные меньшинства (в частности, мандейские общины в Насирии и Амаре), в совокупности дающие представление о хозяйственном и культурном разнообразии способов адаптации человека к условиям Южной Месопотамии.

Библиография этнографических исследований и путевых записок о современной Болотной области (XIX–XX вв. н.э.) довольно обширна; она, в частности, приведена в диссертации Абдуламира Хамдани [Hamdani 2015, p. 19, p. 224–253] и в составленной при его же участии библиографической справке для включения Болотной области в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [Hamdani, Touilli, 2011, p. 30–34].

Кроме известной книги путешественника Вильфреда Тесигера [Thesiger, 1964] и его более ранней статьи [Thesiger, 1954], надо отметить исследование поселка Чебайш, выполненное в тех же 1950-х гг. Шакером Салимом [Salim, 1962; Rodinson, 1965], и работы Эдварда Охсеншлагера [Ochsenschlager, 2004], керамиста американской экспедиции в Лагаше с 1968 г., впоследствии этноархеолога. По-видимому, автором последних по времени профессиональных фотографий Болотной области, еще не затронутой разрушительными процессами 1970–2000-х гг., является Ник Уилер. Они приведены в книге мемуарного характера, написанной последователем Тесигера Гевинном Янгом [Young, Wheeler, 1977].

По совокупности этнографических данных мы видим весьма большое разнообразие ресурсов Болотной зоны [Козырева, 2016, с. 26]: рыба, местные и перелетные птицы, возможность пасти скот на участках сезонной осушки, где летом есть трава, а также великое разнообразие возможных способов использования тростника. Он применяется для строительства монументальных зданий, хижин, укрытий для скота, уборных, изготовления крыш, постелей, циновок, корзин, колыбелей, прослоек между кирпичами в сырцовых постройках (их следы нередко можно видеть на древних памятниках), больших и малых лодок, музыкальных инструментов, приспособлений для ловли птиц, примесей для гончарной глины, мыла (его делают из тростникового пепла) и, что весьма важно, в качестве топ-

лива, в том числе для гончарного и кирпичного производства (другим топливом для этих производств является широко распространенная нефть). Молодые побеги тростника используют на корм скоту и для изготовления сладостей [Hamdani, 2015, p. 207].

Сопоставив это богатство ресурсов с современными представлениями о палеоклимате 11–8-го тыс. до н.э. и о морской трансгрессии 6–4-го тыс. до н.э., трудно остаться при мнении, что первоначальное заселение южной части аллювиальной равнины было обусловлено успехами в ирригационном земледелии. Возделывание зерновых в узкой полосе вдоль рек является в Болотной зоне одной из возможных стратегий выживания наряду со скотоводством на сезонно осушаемой территории и эксплуатацией собственно болотных ресурсов, охотой и в особенности рыболовством.

С началом морской регрессии и аридизацией климата характер южной аллювиальной равнины стал меняться от водно-болотной («плавней»), где сельское хозяйство могло играть вспомогательную роль, к периодически затопляемой местности, где необходимость в ирригационном земледелии могла стать более настоятельной. Тем не менее великие города Южного Двуречья еще долго стояли «в реке», в водно-болотном окружении, о чем сохранилось много свидетельств в языке и в искусстве.

Быть может, именно пост-убейдская аридизация и морская регрессия привели, в цепочке событий, к гиперурбанизации Урука в следующий исторический период. Наряду с коллапсом мелких поселений [Adams, 1981, p. 72 sqq.] этот беспрецедентный рост древнего «мегаполиса» представляется нам свидетельством серьезного социального «дискомфорта» в терминологии Шибутани-Дьяконова [Дьяконов, 2007].

С 1970-х гг. в Сирии и в Турции, а затем и в самом Ираке началось строительство дамб на Тигре и Евфрате для получения электроэнергии, орошения окружающих территорий и регулирования стока. Объем воды, поступающий по обеим рекам в Ирак, сократился. После затяжной и кровопролитной ирано-иракской войны, затронувшей в 1984 г. и Болотную зону, и в особенности после шиитского восстания 1991 г., правительство Саддама Хуссейна решило, что «проблема Болот», в предыдущие эпохи скрывавших беглых рабов или вооруженные племена, слабо подчинявшиеся центральному государству [Hamdani, 2015], требует окончательного решения. Несмотря на тяжелое экономическое положение в Ираке, были достроены Главный дренажный канал («Третья река») и канал «Мать всех битв» для сброса вод из бассейна Евфрата в Персидский залив, минуя Болота; на Тигре с той же целью были сооружены «канал Славы» и «канал Процветания». Болотная область была на 90% превращена в пустыню; около 200 тыс. жителей Болотной области были вынуждены покинуть ее и пополнили ряды люмпенизированного городского населения. Социальная катастрофа в Болотах стала одной из причин массовых грабежей археологических памятников Юга людьми, обездоленными в результате войн и государственного насилия.

Бедствие, казавшееся необратимым, прекратилось вместе с падением режима Саддама Хуссейна. Уже в 2003 г. местные жители начали разрушать дамбы. Болота стали постепенно наполняться водой. В 2010 г., благодаря усилиям неправительственной организации «Природа Ирака» (Nature Iraq), на средства Министерства ирригации была построена земляная плотина, полностью перекрывшая Евфрат в 20 км ниже Чебайша с целью поднятия уровня воды в Болотах.

В настоящее время прежний облик Болот в значительной мере восстановлен. Многие жители вернулись к своей традиционной жизни, несмотря на отсутствие электричества, школ и медицинской помощи в болотных селениях. Полному восстановлению экосистемы препятствует остро недостаточный сток рек из-за отбора воды на плотинах в Сирии, Турции и Иране.

Как на исходе Второй мировой войны история Южного Двуречья стала поводом для теории всемогущего «гидравлического государства» и связанных с этим дискуссий, так в

наше время эта же история увлекает исследователей совсем другой моделью, актуальной сегодня: устойчивостью экологической среды к антропогенным воздействиям [Algaze, Pournelle, 2014; Hritz, Pournelle 2016].

В 2017 г., благодаря сотрудничеству с Директоратом древностей и наследия Министерства культуры Ирака, руководителем которого был тогда доктор Кайс Хусейн, мы вместе с ведущим научным сотрудником Института археологии РАН Шахмарданом Амировым начали подготовку к российско-иракской комплексной экспедиции в Болотную область. Это стало возможным благодаря деятельному участию и помощи со стороны многих иракских, российских и западных коллег, прежде всего Абдуламира Хамдани, Амира Доши, Амджада Неама, Тахира Хоссейни, Муртады Хашима, Рауфа Мунчаева, Элизабет Стоун, Джейн Мун, Роберта Киллика¹².

Один из памятников, предложенных нам для исследования, – крупное поселение старовавилонского периода, которое в документации наших иракских коллег относится к группе теллей Дехайла. В каталоге разведок в районе Эриду и Ура, проведенных Генри Райтом [Wright, 1981, p. 300], ему соответствует номер 34; этот главный тель мы будем называть Дехайла-1.

Илл. 2. Дехайла на юге аллювиальной равнины. Штриховкой показано гипотетическое расположение одного из болотных участков. Черный цвет соответствует 0 м н.у.м. и ниже, белый соответствует 40 м н.у.м. и выше.

Мы посетили эти места дважды, в ноябре 2018 и в апреле 2019 г.; во время второго визита Василием Новиковым были сделаны ортофотоплан и высотная модель телья¹³.

¹² Работа экспедиции продолжается при содействии Фонда поддержки культуры, искусства и образования «Александр» и его спонсоров.

¹³ Мы сердечно благодарим за помощь в этой работе НИПИИ «ЭТ «ЭНЕРГОТРАНСПРОЕКТ», фонд «ТАВОЛГА» и лично М. В. Бондареву.

Видимая на поверхности часть поселения имеет каплевидную форму и находится в излучине древнего русла реки или крупного канала, которое было связано с Евфратом. Согласно [Jacobsen, 1960, p. 181], это «канал равнины Эриду», $id_2.edin.eriduga(NUN)^{ki}$, который мы, для краткости и благозвучия, будем называть «река Эриду». Ниже по течению этой реки (или канала) в 26 км по прямой от Дехайлы расположен древний город Эриду, возникший не позднее периода Убейд 1.

Примерно в 5 км к западу от Дехайлы протекала другая река (или канал), которая впадала в реку Эриду в 2 км к югу от Дехайлы. Эта Западная река, как мы ее пока будем называть, меандрировала сильнее р. Эриду, что, может быть, говорит о ее более древнем или естественном происхождении. Впрочем, взаимные превращения естественных русел и искусственных каналов обычны для Месопотамской равнины. На берегах Западной реки, в 6 км к северо-западу от Дехайлы-1, находятся два телья общей площадью чуть меньше 9 га: Хомор-1 и Хомор-2. Южный из них, Хомор-2, зарегистрирован у Г. Райта под №36 [Wright, 1981, p. 340], с размерами 320×275 м и периодами заселения от позднеубейдского до урукского и от Ур III до касситского.

К востоку от Дехайлы к р. Эриду Т-образно примыкает древний водный поток, уходящий на восток-северо-восток. Характер примыкания этого потока, который мы будем пока называть Восточной рекой, заставляет предполагать, что он не может быть синхронным р. Эриду, так как перекрыт застройкой Дехайлы.

Такое расположение города, перекрывающего собой старицы Восточной реки и р. Эриду, может говорить о его одномоментной постройке в результате какого-то чрезвычайного события.

Городскую застройку пересекают две линии с востока на запад, соединенные двумя линиями с юга на север, образуя вместе букву Н, положенную на бок. Это очень напоминает каналы Машкан-Шапира, но, по словам Элизабет Стоун, в Южном Двуречье «везде, где были проведены геоморфологические исследования, понижения между отдельными частями телья оказались водными протоками» [Stone, 1995, p. 239], в том числе в Уре, Ларсе и Ниппуре. Вероятно, подобную схему каналов мы видим и в Дехайле-1. Некоторые из этих каналов оканчиваются эрозионными ручьями, а на продолжении как минимум одного из этих предполагаемых каналов находится хорошо заметная стена из обожженного кирпича, протянувшаяся вплоть до берега р. Эриду.

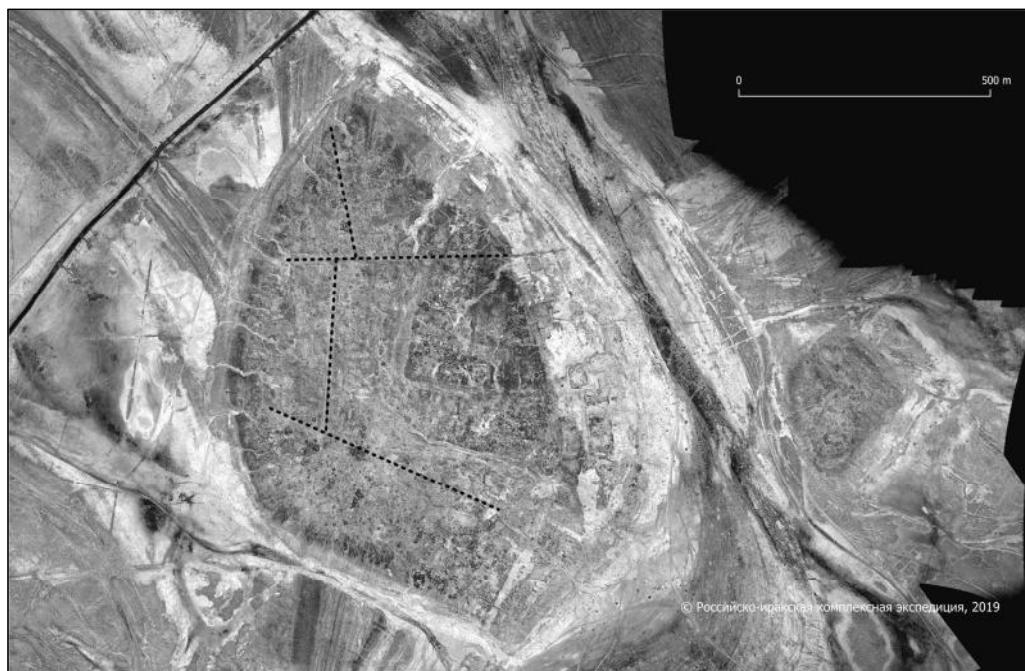
На противоположном, восточном берегу р. Эриду напротив Дехайлы-1 находится телье Дехайла-2 площадью 8.9 га, расстояние до которого от границы зоны эрозии Дехайлы-1 160 м. Расположение его удобно для контроля за движением по реке, будь то крепость или таможня.

Поверхностная керамика Дехайлы-1 позволяет пока говорить о заселении города только в старовавилонское время – в конце периода Исин-Ларса, как считает Г. Райт [Wright, 1981, p. 339]. А. Хамдани уверенно датирует его временем Первой династии Приморья, но керамический материал из его разведок, на котором эта уверенность основана, пока не опубликован.

Дехайла-1 находится в 30 км к западу от Ура и сопоставима с ним по размерам (площадь Ура времен «поздней Ларсы» – не менее 60 га [Wright, 1981, p. 339]). Другого такого же крупного города в пределах района разведок Г. Райта и А. Хамдани нет. Такое соседство легко наводит на мысль, что после разрушения Ура Самсуилуной в 1739 г. до н.э. (средняя хронология) и предполагаемой последующей деурбанизации население Ура могло перейти в Дехайлу и этот город мог стать одним из центров Первой династии Приморья, а может быть, и ее столицей [Hamdani, 2015, p. 169–171; Campbell et al. 2017, p. 40, n. 85].

В 5.5 км к юго-востоку, вниз по течению р. Эриду, находится небольшое поселение Умм-аль-Джемаджим (ES 156), где обнаружена керамика от Джемдет-Наср до раннеди-

настического (РД) периода, и найдены глиняные серпы (поздний Убейд)? В целом, по данным Г. Райта, эта область в раннединастическое время пустовала [Wright, 1981, р. 328], так что появление здесь поселения раннединастического периода – важный знак. К востоку от него на фотографии CORONA Дж. Пурнелль отмечает «сотни мелких каналов, шириной от 1.5 до 10 м», которые просачиваются сквозь намывной вал р. Эриду и уходят в Болота [Pournelle 2003, р. 174]. На той же фотографии примерно в 3.3 км к северо-северо-западу от ES 156 и в 1.7 км к северо-востоку от Дехайлы предположительно находится еще одна болотная область.

Илл. 3. Телли Дехайла-1 и Дехайла-2, ортофотоплан В. Новикова.
Пунктиром показаны возможные очертания каналов.

Если эти предположения правильны, то в Дехайле, в непосредственной близости от болота, мы встретим крупный город, повседневная жизнь которого в конце старовавилонского периода должна была во многом зависеть от болотных ресурсов, наподобие того, как это могло быть в самый ранний, (до)убейдский период заселения этой местности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Дьяконов И.М. *Пути истории*. М.: КомКнига. 2007. Издание 2-е, исправленное [Diakonoff I. *The Paths of History*. Moscow: KomKniga, 2007. 2nd edition, corrected (in Russian)].

Козырева Н.В. *Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности (VII тыс. до н.э. – середина II тыс. до н. э.)* Контраст. СПб, 2016 [Kozyreva N. *Studies in the history of Southern Mesopotamia in Early Antiquity (from the 7th to the middle of the 2nd millennium BC)*. Saint Petersburg: Kontrast, 2016 (in Russian)].

Латов Ю.В. «Восточный деспотизм» К.А. Виттфогеля (к 50-летию «странной книги»). *Историко-экономические исследования*. 2007. Т. 8. № 2. С. 8–37 [Latov Yu. “Oriental Despotism” by

K.A. Wittfogel (the 50th anniversary of the “strange book”). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia* = Journal of Economic History and History of Economics. 2007. Vol. 8, No. 2. Pp. 8–37 (in Russian)].

Adams R. *Heartland of Cities*. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

Algaze G., Pournelle J. Travels in Edin: Deltaic Resilience and Early Urbanism in Greater Mesopotamia. *Preludes to urbanism: the late Chalcolithic of Mesopotamia*. Cambridge, Oakville: McDonald Institute for Archaeological Research, 2014. Pp. 7–34.

Aqrawi A. Stratigraphic signatures of climatic change during the Holocene evolution of the Tigris–Euphrates delta, lower Mesopotamia. *Global and Planetary Change*. 28 (1–4). Amsterdam: Elsevier, 2001. Pp. 267–283.

Altaweel M., Marsh A., Jotheri J., Hritz C., Fleitmann D., Rost S., Lintner S.F., Gibson M., Bosomworth M., Jacobson M., Garzanti E., Limonta M., Radeff G. New Insights On The Role Of Environmental Dynamics Shaping Southern Mesopotamia: From The Pre-Ubaid To The Early Islamic Period. *Iraq*. 2. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1017/irq.2019.2> Published online by Cambridge University Press: 18 July 2019.

Campbell S., Moon J., Killick R., Calderbank D., Robson E., Shepperson M., Slater F. Tell Khaiber: an administrative centre of the Sealand period. *Iraq*. Vol. 79. Cambridge, 2017. Pp. 21–46.

Dalongeville R., Laborel J., Pirazzoli P., Sanlaville P., Arnold M., Bernier P., Evin J., Montaggioni L.F. Les variations récentes de la ligne de rivage sur le littoral syrien. *Quaternaire*. 1993. Vol. 4, No. 1. Pp. 45–53.

Hamdani A. Protecting and Recording our Archaeological Heritage in Southern Iraq. *Near Eastern Archaeology*. 2008. Vol. 71. Chicago: The University of Chicago Press. Pp. 221–230.

Hamdani A., Touili R. Survey of Bibliography: Cultural Heritage of Iraqi Marshlands. *A report to the UNESCO-Iraq Office, UNEP-UNESCO joint project*. The Ministry of Water Resources. Baghdad, 2011.

Hamdani A. Kingdom of Reeds: the Archaeological Heritage of Southern Iraqi Marshes. *The American Academic Research Institute in Iraq Newsletter*. Issue 9–1/2. Baghdad, 2014. Pp. 15–20.

Hamdani A. *Shadow States. The Archaeology of Power in the Marshes of Southern Mesopotamia*. PhD Dissertation. Stony Brook University. New York, 2015.

Hritz C., Pournelle J., Smith J. Revisiting the Sealand: Report of preliminary ground reconnaissance in the Hammar District, Dhi Qar and Basra Governorates, Iraq. *Iraq*. 74. 2012(1). Pp. 37–49.

Hritz, C., Pournelle J., Smith J. Mid-Holocene Dates for Organic-Rich Sediment, Palustrine Shell, and Charcoal, Southern Iraq. *Radiocarbon*. 54(1). 2012(2). Pp. 65–79.

Hritz C., Pournelle J. Feeding History: Deltaic Resilience, Inherited Practice, and Millennial-Scale Sustainability in an Urbanized Landscape. *Viewing the Future in the Past: Historical Ecology Applied to Environmental Issues*. Eds. Foster H.T. II, Goldstein D.J., Paciulli L.M. Columbia: University of South Carolina Press, 2016. Pp. 59–85.

Huot J.-L. Travaux en basse Mésopotamie. Les fouilles françaises à Larsa et 'Oueili. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 129e année. 1985. No. 2. Pp. 300–318.

Jacobsen T. The Waters of Ur. *Iraq*. Vol. 22, Ur in Retrospect. In Memory of Sir C. Leonard Woolley. London, 1960. Pp. 174–185.

Jassim S., Goff J., Eds. *Geology of Iraq*. Prague, Brno: Dolin, Moravian Museum, 2006.

Milli S., Forti L. Geology and Palaeoenvironment of Nasiriyah Area / South Mesopotamia. *Excavations in Abu Tbeirah I. Area 1. Last Phase and Building A -Phase 1*. Eds.: Romano L., d'Agostino F. Rome: Sapienza Università Editrice, 2019.

Nützel W. Lag Ur einst am Meer? *Mitteilungen der Deutschen Orient Gesellschaft*. Nr. 112. Berlin, 1980. Pp. 95–102.

Ochsenschlager E. *Iraq's Marsh Arabs in the Garden of Eden*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004.

Potts D. *Mesopotamian Civilization. The Material Foundations*. London: The Athlone Press, 1997.

Pournelle J. *Marshland of Cities: Deltaic Landscapes and the Evolution of Early Mesopotamian Civilization*. PhD dissertation, Department of Anthropology. San Diego: University of California, 2003.

Rodinson M. Shakir M. Salim, Marsh Dwellers of the Euphrates Delta. *Homme*. 1965. No. 5–1. Pp. 127–132.

Romano L. Abu Tbeirah and Area 1 in the second half of the 3rd mill. BC. *Excavations in Abu Tbeirah I. Area 1. Last Phase and Building A -Phase 1*. Eds.: Romano L., d'Agostino F. Rome: Sapienza Università Editrice, 2019. Pp. 59–91.

- Roux G. Recently discovered ancient sites in the Hammar Lake district (Southern Iraq). *Sumer*. 16. Baghdad, 1960. Pp. 20–31.
- Salim S. *Marshes dwellers of the Euphrates delta: an anthropological study of Chibayish village*. London: University of London press, 1962.
- Sanlaville P. Considérations sur l'évolution de la Basse Mésopotamie au cours des derniers millénaires. *Paléorient*. Vol. 15, No. 2. 1989. Pp. 5–27.
- Stone E., Zimanski P. Mashkan-Shapir and the Anatomy of the Old Babylonian City. *Biblical Archaeologist*. Vol. 55, No. 4. 1992. Pp. 212–218.
- Stone E. The Development of Cities in Ancient Mesopotamia. *Civilizations of the Ancient Near East*. Ed. Sasson J. New York: Scribners Press, 1995. Pp. 235–248.
- Stone E. Mesopotamian Archaeology under the American Schools of Oriental Research. *A Future for the Past: One Century of ASOR Discoveries in the Ancient Near East*. Eds. Clark D.R., Matthews V.H. Boston: American Schools of Oriental Research, 2003. Pp. 181–192.
- Stone E., Zimanski P. *The Anatomy of a Mesopotamian City: Survey and Soundings at Mashkan-Shapir*. Winona Lake: Eisenbrauns, 2004.
- Thesiger W. The Marshmen of Southern Iraq. *Geographical Journal* 120. 1954. Pp. 272–281.
- Thesiger W. *The Marsh Arabs*. London: Longman, 1964.
- Wilson A. The Delta of the Shatt al 'Arab and Proposals for Dredging the Bar. *Geographical Journal*. Vol. 65, No. 3. 1925. Pp. 225–239.
- Wittfogel K.A. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven, 1957.
- Wright H. The Southern Margins of Sumer. *Heartland of Cities*. Chicago: University of Chicago Press, 1981. Pp. 295–362.
- Woolley L. *Ur Excavations*. Vol. 7: The Old Babylonian Period. London: British Museum Publications Ltd, 1976.
- Young G., Wheeler N. *Return to the marshes: Life with Marsh Arabs of Iraq*. London: William Collins, 1977.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЯНКОВСКИЙ Алексей Игоревич – научный сотрудник Отдела Древнего Востока Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Alexei I. JANKOWSKI, Research Fellow, Department of Ancient Orient, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia.